

www.volsu.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ==

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu5.2016.4.17>

UDC 340.131.4

LBC 67.042

SOME METHODOLOGICAL PROBLEMS OF FORMULATING THE SUBJECT DOMAIN OF THE NOTIONS “LEGALITY” AND “LEGAL ORDER”

Viktor V. Popov

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russian Federation

Introduction. This article discusses the existing in the Russian legal science peculiarities of the definitions of “legality” and “legal order”. **Methods.** The author used general scientific research methods such as analysis, synthesis, comparison, and specific scientific methods of studies: formal legal and technical legal. **Results.** At present, there are theoretical preconditions for the formulation of, at least, 24 (within normativism) variants of the notion “legality”. However, all these formulations are characterized by the same disadvantages: pleonasticity, mixing scientific-subject areas, a violation of the principle of uniqueness of naming. **Conclusions.** There is neither theoretical correctness, nor practical requirement to demand (prescribe) complying with the regulations (requirements).

The scientific characteristics of high-quality, stable implementation of legal regulations turn out to be the most effective in terms of legal order but not legality.

Key words: legality, legal order, legality as requirement, legality as implementation, natural law, positive law.

УДК 340.131.4

ББК 67.042

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМУЛИРОВАНИЯ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ ПОНЯТИЙ «ЗАКОННОСТЬ» И «ПРАВОПОРЯДОК»

Виктор Викторович Попов

Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в статье рассматриваются существующие в отечественной юридической науке особенности определения понятий «законность» и «правопорядок». **Методы:** использованы общенаучные методы исследования, такие как анализ, синтез, сравнение, а также частнонаучные методы исследования: формально-юридический, технико-юридический. **Результаты:** на сегодняшний момент существуют теоретические предпосылки для формулирования как минимум 24 (в рамках нормативизма) вариантов понятия законности. Однако всем этим формулировкам присущи одинаковые недостатки: плеонастичность, смешение научно-предметных областей, нарушение принципа однозначности именования. **Выводы:** нет ни теоретической корректности, ни практической потребности требовать (предписывать) выполнять предписания (требования). Научная же характеристика качественного состава устойчивого воплощения в жизнь

© Попов В.В., 2016

требований правовых предписаний представляется наиболее эффективной в терминах именно правопорядка, но не законности.

Ключевые слова: законность, правопорядок, законность-требование, законность-реализация, естественное право, позитивное право.

Введение

Вопросы обеспечения воплощения в жизнь требований правовых предписаний издавна приковывают к себе пристальное внимание как ученых-гуманитариев, так и практиков от политики, юриспруденции и иных сфер общественной деятельности.

Для характеристики качественного состояния реализации права в отечественной юридической науке чаще всего принято использовать такие понятия, как «законность» и «правопорядок». Даже беглый взгляд на существующие научные разработки данной проблемы ясно показывает нам схожесть теоретических ошибок при обилии различных подходов к формулированию предметной области отмеченных понятий.

Основные модели понятия «законность»

В силу ограниченности объема настоящей статьи автор не имеет возможности проанализировать все буквальные текстовые выражения данных понятий (которых только в учебной литературе 2000-х гг., по неполным подсчетам, около пятнадцати [1]), однако полагает, что «ядром» определения понятия «законность» является: а) представление о законности как о некоем требовании (в том числе в форме принципа и т. п.) выполнять правовые предписания; б) представление о законности как о выполнении самих требований правовых предписаний (в том числе в форме метода деятельности, режима функционирования и т. п.); в) либо речь идет о соединении вариантов «а» и «б».

Если совместить это с многообразием представлений о предметной и субъектной сторонах законности, то, используя комбинаторику, можно получить гораздо больше понятий законности, нежели сформулировано на сегодняшний день. В частности, только по варианту «а» (законность-требование) мы полу-

чаем как минимум восемь моделей определений понятия «законность» *только лишь* в рамках позитивистского правопонимания. Использование, например, естественно-правового подхода позволяет получить гораздо больше таких вариантов.

Например, требование выполнять нечто назовем термином «Т». Объектом (предметом) требования (то, *что* требуется выполнять) можно считать лишь нормы законов (назовем это «НЗ»), или же все нормы права («НП»), или вообще все правовые предписания, включая индивидуальные («ПП»), или же нормы права («НП») либо нормы законов, а также предписания, индивидуализирующие нормы законов («ЗП»).

Адресатов этих требований назовем термином «СП» (все субъекты права) или термином «НСП» (некоторые субъекты права, например, только органы государственной власти и должностные лица и т. п.). В таком случае мы получаем следующие варианты определения понятия законности:

1) Т-ПП-СП, то есть законность – это требование выполнять все правовые предписания всеми субъектами права;

2) Т-ПП-НСП, то есть законность – это требование выполнять все правовые предписания некоторыми субъектами права (например, органами государственной власти и должностными лицами);

3) Т-НП-СП, то есть законность – это требование выполнять нормы права всеми субъектами права;

4) Т-НП-НСП, то есть законность – это требование выполнять нормы права некоторыми субъектами права (например, органами государственной власти и должностными лицами);

5) Т-НЗ-СП, то есть законность – это требование выполнять нормы законов всеми субъектами права;

6) Т-НЗ-НСП, то есть законность – это требование выполнять нормы законов некоторыми субъектами права (например, орга-

нами государственной власти и должностными лицами);

7) Т-ПЗ-СП, то есть законность – это требование выполнять нормы законов, а также и предписания, индивидуализирующие нормы законов, всеми субъектами права;

8) Т-ПЗ-НСП, то есть законность – это требование выполнять нормы законов, а также и предписания, индивидуализирующие нормы законов, некоторыми субъектами права (например, органами государственной власти и должностными лицами).

По варианту «б» мы также получаем восемь определений понятия «законность».

Вариант «в» тоже дает нам восемь определений понятия законности, но только в том случае, если мы *не* будем разделять предметную область (ПП, НП, НЗ, ЗП) и субъектную область (СП, НСП) относительно требований (Т) и собственно реализации права. Иначе мы получим гораздо большее количество вариантов понятия «законность» в рамках данной логико-семантической модели.

Итак, если понимать законность как некое требование («Т»), то мы получаем *как минимум 24 варианта* понятия «законность *только лишь* в рамках позитивистского правопонимания.

Некорректность понятия «законность»: плеоназм и синкретизм

Вместе с тем всем этим 24 вариантам присущи одни и те же теоретические проблемы, ставящие под сомнение научную пользу от использования подобных определений. Эти проблемы могут иметь два направления развития: 1) либо это избыточное словоупотребление, 2) либо смешение научно-предметных областей при внеправовом обосновании ценности права.

Рассмотрим первое направление деформации теории законности – плеоназм (избыточное словоупотребление). Такая деформация появляется в том случае, если мы попытаемся придать требованию соблюдать правовые предписания *юридический* характер. Почему?

В такой логико-семантической модели понятия «законность», как требование следовать (правовым) требованиям (предписаниям), очевиден некий плеоназм – требование соблюдать требование.

Плеоназм как ошибка рассуждения и как ошибка теории имеет место на практике. В частности, можно привести пример ч. 2 ст. 15 основного закона. Конституция России обязывает соблюдать, кроме себя самой, иные законы. Если же говорить о законе как о нормативном правовом акте, формализующем нормы права, то вполне очевидно утверждение о том, что закон содержит в себе некие обязанности (нормы-требования, предписания общего характера). Но в таком случае мы видим обязанность (1) соблюдать Конституцию, содержащую обязанность (2) соблюдать саму себя и иные законы, то есть обязанность (3). Если же вдобавок к этому раскрыть содержание, например, некоторых подзаконных нормативных правовых актов (например, ведомственных приказов), то мы находим еще одну обязанность, в частности, вновь обязанность соблюдать Конституцию России. Таким образом, мы получаем *обязанность соблюдать обязанность по соблюдению обязанностей, требующих соблюдать обязанности*.

Выразим эту мысль с помощью особых символов. Например, обязанность обозначим символом «О», некое поведение – символом «П». Обязанность вести себя запишем как «О(П)». Когда мы обязываем выполнить обязанность, формула приобретает следующий вид: О (О(П)). Предписание, выраженное в ст. 15 Конституции России (с учетом предписаний, выраженных в иных нормативных правовых актах), приобретает следующий вид О(О(О(П))). Впрочем, количество «О» (обязанностей) может быть и гораздо большим.

В данной связи возникает два вопроса:

1. Каковы пределы умножения обязанностей? Если использовать алгоритм создания норм в схеме, приведенной выше, то такие пределы теоретически не предполагаются. Иными словами, множить подобные нормы права можно бесконечно.

2. Но каково значение подобного удвоения, утроения, учетверения, удесятерения (и т. д.) обязывания? Думается, что ответ очевиден. Градация наличия (или отсутствия) обязанностей дискретна, то есть ступенчата. Иными словами, юридическая обязанность

или есть, или ее нет. Если она есть, то некой группе субъектов она или адресована, или нет, то есть данные субъекты или имеют юридическую обязанность, или ее не имеют. Важно заметить, что смысловой алгоритм предполагает введение такой обязанности лишь *единожды*. И для действительности данной обязанности вовсе не требуется вводить еще одну обязанность, предписывающую соблюдать данную обязанность. Именно в этом мы видим очевидность ответа на вышеставленный вопрос: удвоение, утроение, учетверение, удесятерение и т. д. обязывания *юридического* значения не имеют.

Однако подобная схема имеет смысл, если вести речь о *различных требованиях*. Но что может означать различие между требованиями?

Анализ практически всех формулировок понятия законности-требования дает нам все основания рассматривать указанное требование как предписание общего характера, то есть как некую (социальную) норму.

Но в таком случае мы сталкиваемся с необходимостью определения (идентификации) *второй нормативной системы*, к которой и принадлежит данная норма-требование.

Эта вторая нормативная система будет множеством или правовых, или неправовых норм. Если это будет система правовых норм, то у нас есть логические основания вести речь о двух системах позитивного права, когда нормы одной системы права предписывают выполнять нормы другой системы права. Но у нас нет эмпирических оснований рассматривать подобную ситуацию, поскольку в реальной социальной действительности подобных ситуаций до настоящего момента не встречалось. Следовательно, подобный подход с двумя системами позитивного права не является научно целесообразным.

Если же мы установим, что второй системой норм будут, например, нормы морали, то смысловая модель законности может символически быть записана так: О-мн(Онпп(П)), то есть законность – это требование морали выполнять требования норм позитивного права (вести себя «П»). Но именно с этого и начинается второе направление развития проблемы, возникающей при понимании законности как требования. Во-первых, это уста-

новление доминирования морали над правом для адресатов законности. Во-вторых, это смешение научно-предметных областей при внеправовом обосновании ценности реализации права.

Выводы

Итак, если отходить от понимания законности как некоего требования, то мы переходим к другому варианту понимания законности, к другой логико-семантической модели законности – законность как реализация правовых предписаний. В принципе такой подход хорошо известен в отечественной юридической науке.

Однако в данной связи становится очевидным сходство данного определения с понятием правопорядка. Нам думается, что необходимо определиться, с каким термином наиболее оправданно связать подобную реализацию права. Наличие двух терминов нарушает научный принцип однозначности именованья (теория Фреге – Рассела). Думается, что наиболее целесообразен термин «правопорядок». В динамическом аспекте он бы отражал качество реализации права, а в статическом – уровень фактической упорядоченности общественных отношений нормами права.

Достоинства идеи правопорядка проявляются прежде всего в том методологическом подходе, когда мы сможем выстроить иерархию содержания понятий по схеме «род – вид – подвид». Иными словами, термин «правопорядок» можно считать юридической категорией, причем она будет подвидовой по отношению к понятию «общественный порядок» с более широкой предметной областью, то есть как состояние общественных отношений, упорядоченных социальными нормами. Это позволит в должной мере использовать потенциал междисциплинарных связей юриспруденции с иными гуманитарными науками.

Кроме того, понятие «общественный порядок» будет видовым по отношению к общенаучной категории «порядок», что позволит в должной мере использовать потенциал междисциплинарных связей гуманитарных наук с иными науками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рыбаков, В. А. Законность: к вопросу о понятии / В. А. Рыбаков // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2013. – № 2. – С. 6–11.

REFERENCES

1. Rybakov V.A. Zakonnost: k voprosu o ponyatii [Legality: to the question of concept]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo"*, 2013, no. 2, pp. 6-11.

Information About the Author

Viktor V. Popov, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Department of Theory of Law and Human Rights, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Police Colonel, Istoricheskaya St., 130, 400089 Volgograd, Russian Federation, lkj5@mail.ru.

Информация об авторе

Виктор Викторович Попов, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и прав человека, Волгоградская академия МВД России, полковник полиции, ул. Историческая, 130, 400089 г. Волгоград, Российская Федерация, lkj5@mail.ru.